

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6
П53

Художник

Валерий Калныньш

Полюга, М. Ю.

П53 Альпийский синдром : роман / Михаил Юрьевич Полюга. —
М. : Время, 2020. — 576 с.

ISBN 978-5-9691-1961-1

С обаятельным прокурором Евгением Николаевичем Михайловым читатели уже знакомы по первому роману дилогии, ему посвященной («Прискорбные обстоятельства», «Время», 2019). И не просто знакомы, а прониклись к нему симпатией и сочувствием — о чем многие написали и высказались. Нередко задавая вопрос: откуда он такой взялся — тонкий, честный, думающий, страдающий? Ответ можно найти во втором романе, в котором вопреки хронологии профессиональная биография героя начинается. Автор к своему герою этой поры куда более строг. Да и сам Евгений Николаевич собой далеко не гордится: «Какой-то альпийский синдром, черт его дерит! — и в нем, в этом синдроме, заключена скрытая сила и слабость моего характера». Слабостей у прокурора Михайлова много — увы. И профессиональное окружение у него так себе: «шептались новый начальник организационно-контрольного отдела, мерзавец и подхалим, и прокурор одного из районов, пролаза и интриган». И тут еще президентские выборы, будь они неладны, когда независимостью своей «ветви власти» не прикроешься. И все же прямых подлостей вроде избежал, с совестью как-то договорился, надежд пока не растерял... Жену вот не удержал, она максималистка, она его любит, ей компромиссов недостаточно.

ISBN: 978-5-9691-1961-1

ББК 84(2=411.2)6

© М. Ю. Полюга, 2020

© «Время», 2020

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ НА ПЕРВУЮ ЧАСТЬ ДИЛОГИИ
МИХАИЛА ПОЛЮГИ, РОМАН «ПРИСКОРБНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА»
«ВРЕМЯ», 2019

Прочитала в 2015 году, когда книга попала в финал Бунинской премии. Теперь перечитаю заново. Почему? Наконец-то нашла то, чего не доставало у современных авторов: прекрасный язык, тонкий психологизм, мыслящие, глубоко чувствующие герои. Надоели посредственности – и в литературе, и в жизни!

Первая часть напоминает психологический детектив. Прокурор узнает, что его взяли в разработку спецслужбы. Чтобы выяснить причины, проводит свое расследование, и при этом пытается разобраться в собственной жизни. Вторая и третья часть – смещение повествования в сторону любовного треугольника. Захватывающая интрига отношений, эротизм, лишенный грязи и смакования, но какой!.. Любовь, спасающая от духовного обнищания. Не от словосочетания «заниматься любовью», а от слова «любить». Давно не читала книги такого блестящего художественного уровня.

Наталья

Трогательно написано, несмотря на ментовско-прокурорские страницы, особенно в части любви-нелюбви: по-человечески мудро, горько, светло. Издательству «Время» спасибо за то, что познакомило с хорошим автором.

Елена

Эта книга – не поверхностное чтение, которое доброхоты выдают за литературу, а на самом деле настоящая литература, и вдумчивому читателю понятно это с первых страниц. Настоятельно рекомендую. Приятного чтения.

Николай

Книга захватила с первых страниц и не отпускала до конца. Обязательно вернусь к ней ещё и ещё.

Марина Анисимова

Михаил Полюга пишет вдумчиво. С толком, с чувством, с расстановкой. Великолепный слог, точность, художественная уместность

и полнота изображения внутреннего мира немолодого прокурора Евгения (сибарит не сибарит, гедонист не гедонист?), который считает, что «человеческая жизнь на удивление однообразна и примитивна: если и вспоминаются по-настоящему светлые и наполненные мгновения, то их можно сосчитать по пальцам. Спичка жизни горит быстро и бесполезно и очень скоро обжигает нам руки... Так всё вокруг обрыдло, так достало! И в то же время хочется жить, не меньше хочется, чем в начале пути, несмотря на эти треклятые прискорбные обстоятельства!»

Очень много размышлений и наблюдений о жизни, о ее суетности, тщете и прочем. Если вы такое любите, то насладитесь чтением с карандашом в руке.

Юлия Силич

Повествование идет неспешно, зато успеваешь насладиться хорошим языком. Много размышлений о человеческой природе и бытии. Описана вся подноготная прокурорской службы, коррупция, зависть, интриги, протекционизм и т. д. Герои описаны ярко, живо; поражает описание природы. Книгу читала с удовольствием. Рекомендую вдумчивому читателю, книга о нас, о современниках.

Лариса Пономаренко

Прочитала роман на одном дыхании. Михаил Полнога совместил три разных пласта реальности, в которых герою приходится существовать. Первый – перманентная депрессия, из-за которой Евгений Николаевич, кажется, лишился уже всяких эмоций и смотрит вокруг с холодным безразличием. Второй – обыденщина оперативной службы, где дела должны закрываться с заранее известным приговором; сотрудники копают под коллег; семья разваливается из-за потерянного на работе времени; коррупция принимает все более изощренные виды. Наконец, третий – редкие контакты с внешним миром, который напоминает герою, что он всего лишь человек. У человека без эмоций, оказывается, тоже есть эмоции. Но тратить их не на что, а выказывать нельзя. И такое бывает. Совет: не пропустите эту книгу! Читайте, и не пожалееете.

Людмила

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Авария

ГДЕ-ТО ПОД СОКОЛЬЦОМ

— Все, приехали! — сказал Игорек с тем убийственным спокойствием, с каким вещают о неминуемой смерти.

Он сидел не на своем месте, за рулем, а в пассажирском кресле рядом со мной, но голос его показался мне неестественно далеким, потусторонним, долетавшим издалека — из другого измерения, из параллельного бытия.

Но прежде, мгновением прежде голоса, машина перестала слушаться руля и, точно по маслу, заскользила по мокрому асфальту вперед и в сторону, по какой-то невероятной диагонали, прочь с дороги. Немедля за тем вошли в штопор — и мир вокруг взвихрился, разжижился и исчез, завертелся вокруг своей оси. Зашелестела, завертелась перед глазами мокрая зелень кустарника — и тоже исчезла. Все исчезло — на миг или на целую вечность, — как будто внезапный сон одолел или случился глубокий обморок. Но вот сквозь это небытие, как сквозь толщу воды, стало проступать ощущение тесноты и неуютя, и вслед за тем — осознание, что машина опрокинулась, что лежит в кювете кверху колесами, в сплошной, шелестящей дождем зелени. И что мы с Игорьком лежим здесь же, лежим непонятно как, перемешавшись с тем, что было машиной, и что — в машине. Наконец — что продолжает работать двигатель, и оттого в голове не стихает гул неистово вращающихся колес.

— Жив? — обронил я в гулкую пустоту, в которой, неясно где, пребывал тот, кто был мной. — Эй, Игорек?!

Голос не принадлежал мне, был размыт и не узнан — или со слухом что-то произошло, как будто в уши натолкали ваты. И со зрением были нелады: я не видел ничего, кроме сплошной, трепещущей под дождем листвы. И руки-ноги мне не принадлежали — вернее, даже памяти о собственном теле во мне не осталось. Неопределенность сущего — ни больше ни меньше! Но Игорек, что с ним? Я не видел Игорька, но ощущал где-то поблизости, рядом с собой. И еще ощущал нарастающее беспокойство — оттого, что работал двигатель, с тупой добросовестностью сжигая бензин и повизгивая изношенным ремнем генератора, — а значит, машина каждую секунду могла взлететь на воздух.

— Эй!..

— Живой, — отозвался наконец Игорек — или только слышалось, что отозвался?

— Бегом из машины! — скомандовал я и с чувством неестественности, нереальности происходящего полез на четвереньках из салона — через окно дверцы с выбитым, рассыпавшимся на мелкие кусочки боковым стеклом.

В лицо хлестануло мокрой листвой, пахнуло прелью, ладони скользили по грязи, усыпанной тупыми осколками, но я не чувствовал боли от колких граней, впивавшихся в кожу, — лез ужом, а выбравшись, живо вскарабкался по сырому склону, продираясь сквозь гибкие, хлещущие по лицу ветви и все так же опасаясь скорого взрыва. Сознание было притуплено, и даже страх от мысли «сейчас рванет!» накатывал как бы издалека.

Но на склоне неглубокого придорожного рва, тянувшегося вдоль шоссе и заросшего густым упругим кустарником, я понудил себя остановиться и оглянуться назад. «Семерка» лежала на крыше поперек рва, запрыгнув на противополо-

ложный склон передком, а на ближний улегшись багажником и дымя сквозь листву бледным, прозрачным, как пар, светом лопнувшей фары. Шел, не переставая, теплый обложной дождь, под тяжестью воды струилась и перетекала поникшая листва, прогибалась и напознала сплошным зеленым месивом молодая поросль, — и на все это Божье благолепие накладывалась грубая человеческая реальность: умирающее пятно света, шепелявый шелест двигателя, тупое гудение вращающихся колес.

— Что у тебя? Цел? — покосился я на Игорьку, выбравшегося на склон вслед за мной и не отрывавшего замороженного, ошеломленного взгляда от покореженного, одноглазо подсвечивающего у наших ног автомобильного остова.

Тот кивнул, что-то пробормотал, невнятно чертыхнулся, — и от сердца у меня отлегло: кажется, цел и невредим.

Но следом жуткая мысль бросила меня в холодный пот: в багажнике «семерки» остались три канистры с бензином, на заднем сиденье — дипломат, а в нем — пистолет ТТ, месяца два назад выданный мне под расписку в областной прокуратуре.

— Дипломат... нужно забрать, — позабыв об Игорьке, повторил я вслух, беспомощно развел руками и в следующий миг совершил подлость: заглянул парню в глаза: — Там — пистолет... — умалчивая о злополучных канистрах.

Наверное, взгляд у меня был такой прибитый и просящий, что водитель тотчас заскользил вниз по склону — сгорбившись, взмахивая для равновесия одной рукой, а другой хватаясь за ветки и съезжая подошвами по суглинку и мокрой взъерошенной траве.

— Стой! Куда? Я сам заберу... — испытывая запоздалый стыд и ужас от того, что каждую секунду может произойти,

крикнул я вдогонку Игорьку, но тот уже опустился на четвереньки и, ворочая ширококостным мускулистым телом, неловко протиснулся через окно в лежащий на крыше автомобиль.

Следующая секунда показалась вечностью. «Что он там возится? Ведь рванет... ей-богу, рванет!.. — порывался к машине я, но ноги словно приросли к почве, я и шагу ступить не мог — только вытягивал шею, не отрывал глаз от подошв Игорька, высывающихся из оконного проема, и почему-то думал о рваном кленовом листе, накрепко впрессованном в рифленую подошву: — Ну вот, новые кроссовки измазал...»

Но и вечность миновала, затих гул двигателя, погас дымный, молочно-блеклый свет раскоканной фары, — и тотчас отовсюду подступила тишина, оглушительная, вселенская, такая, что стало слышно биение каждой капли по упругим сочным листам. Или это кровь стучала в висках?..

— Вот, — Игорек протянул мне дипломат, но я не смог удержать его в правой руке — плечо тянуло книзу, что-то в плече было не так, как должно, — и я перехватил дипломат левой рукой. — Что с плечом, Евгений Николаевич?

А что с плечом? Ничего особенного с плечом. Просто оно почему-то опустилось, как бы провисло, стало ниже, чем прежде. Но — никакой боли, а если бы что-то не так — была бы боль, непременно почувствовал бы боль...

— Черт! А у меня шею потянуло, — осторожно, щадяще вертя головой и ощупывая шею, вздохнул Игорек. — И кожу ссадил, — задрал измазанную в зелени футболку, он потрогал пальцем кровоточившую потертость на боку.

«Что ссадина, ерунда. Легко отделался», — подумал я, успокаиваясь насчет Игорька, но все более озадачиваясь

собственным плечом и пытая его на все лады: клонясь вправо, подлаживаясь, отыскивая плечу удобную позу, двигая предплечьем вверх-вниз и ожидая ответного болевого укола. Но плечо все так же провисало, и все так же не ощущалась боль, — как ни вслушивался в себя, как ни пытал-допытывал: что со мной? Только головокружение, и то едва ощутимое, да шум в ушах, да непреходящий шелест дождя.

— Что делать будем, Евгений Николаевич? — спросил Игорек, морщась и ощупывая пальцами еще одну ссадину — на локте.

— А что произошло, ты можешь мне объяснить? — отвечая вопросом на вопрос, вяло отозвался я, искоса глянул на подавленного Игорька и вдруг нервно хихикнул, кривя губы и ощущая, как у меня подрагивает, словно от зубной боли, щека. — Ничего не помню. Скользнули влево, что-то мигнуло и завертелось — и все.

А сам подумал, что с этим своим хихиканьем выгляжу в глазах Игорька законченным идиотом. Всегда у меня так: в критические минуты реакция почему-то неадекватная, заторможенная.

— Обгоняли грузовик. Нас бросило под колеса, вы взяли влево — ну и понесло... Дождь, резина лысая, разномерка... Я говорил, что ездить нельзя, но вы же упрямый, — как бы оправдываясь, сказал Игорек и зашипел от боли, неосторожно коснувшись пальцами ранки на локте. — И вообще, раз понесло — сбрасывайте газ, а не наоборот... Говорил же, показывал, — почти со злобой, едва сдерживаясь, добавил он и, словно мальчишка, шмыгнул носом.

«Такое было уже», — внезапно припомнил я другой, более счастливый случай на зимней обледенелой дороге. Тогда выскакивая на горку на слепом повороте, я запоздало уви-

дел две помятые машины у левой обочины, рядом с ними — милицейскую «шестерку» и краснолицего гаишника, толковавшего о чем-то двум сконфуженным мужичкам. Я хотел сбросить газ, но вместо этого почему-то придавил педаль, и «семерка» заскользила — по диагонали, как и теперь, — полетела на машины, мужичков и гаишника, поднявшего навстречу неминуемой гибели изумленное, оцепенелое, какое-то обреченное лицо. В тот раз, опаматовавшись под крик Игорька, я все-таки успел сбросить газ и выровнять руль...

— Так-с! — пробормотал я, пытаясь сосредоточиться, но мысли были вразброд, и я тянул время, придумывая, что сказать Игорьку. — Так-с!

Дождь иссяк, но влажный пар все еще клубился у лица и рук. И вдруг сквозь мокрую листву скользнул короткий, слепящий солнечный луч, и под лучом этим пар рассеялся, сверкнули и ожили хрустальные дождевые капли, а пятючок на обочине раздвинулся, стал многомерным и многоликим. И, как случается после забвения или сна, с четкой, осязаемой реальностью я увидел и ощутил придорожную канаву, зелень, мокрые волосы, прилипшую к телу тенниску и робко постанывающее, провисшее под рукавчиком плечо. А еще — изжеванную «семерку», опершуюся багажником и капотом о скаты узкой канавы и перекувыркнувшуюся в таком положении несколько раз. Господи боже мой, если бы не канава, крышу смяло бы вместе с головами! Если бы не молодые упругие деревца и кусты, принявшие на себя и смягчившие первый удар!..

— А где этот скот на грузовике? — спросил я рассеянно, думая об ином — о том, что выжили чудом, что могли не выбраться и меня не было бы сейчас или был бы, но поломан

и раздавлен, что еще хуже, и горше, и печальней. — Ведь видел, что кувыркнулись, что по его вине, и не остановился. Скот!

— Скот, — квело согласился Игорек и поглядел на меня с укором.

— Что смотришь? Ну да, лысая резина, разномерка... Я помню... Но он тоже виноват. Ему бы сдвинуться, пропустить, а он прет по осевой...

Сказав так, я увел глаза и двинулся через кусты к дороге. Игорек пошел следом, тяжело вздыхая и неразборчиво бормоча у меня за спиной.

Выбравшись на песчаную обочину, всю в мелких рябеньких лужах и клочках чахлой травы, мы ступили на шоссе, курившееся мокрым асфальтом, и, не сговариваясь, оглянулись. Несчастливая «семерка» была надежно укрыта в густой зелени от чужих любопытных глаз, и это хоть как-то успокаивало: меньше всего сейчас нужны были чужие глаза...

— Останешься здесь. Сколько нужно, столько и будешь ждать, — сказал я Игорьку и ободряюще улыбнулся; улыбка получилась неубедительной и фальшивой, но другой не было теперь у меня. — А я — в Козельск, постараюсь что-то придумать. К Ключареву поеду, Ключарев поможет. Эй, что ты там?

Я проследил за взглядом Игорька и увидел на другой стороне дороги, на обочине, небольшой памятник, — такие с некоторых пор устанавливают на месте аварии родные и близкие погибших. На памятнике была привинчена табличка с именами, у подножия тлел венок из искусственных, выгоревших на солнце цветов.

Сердце у меня вдруг спохватилось и тоскливо заныло.

«Вот оно как бывает! Вот оно как...»

КЛЮЧАРЕВ

За те минуты, что мы с Игорьком стояли на обочине, несколько машин прогрохотали мимо по направлению к городу. «И езжайте, не надо мне вас!» — всякий раз, когда очередная машина удалялась, думал я с облегчением, не без основания опасаясь расспросов, сочувственных взглядов и предложений о помощи, от которых могло выйти только хуже. Но в то же время донимала мысль, что, по всей видимости, придется топать в город пешком, а одежда у меня так же, как у Игорька, местами вымазана в грязи, и плечо точно не свое, уже постанывает и больше прежнего провисает. И, главное, давила уже тоска от осознания содеянного мною.

«Дурак, вот же дурак!» — корил себя я за все то, что случилось со мной сегодня. — Мало того что выпил, так еще за руль сел! Угробил служебный автомобиль... Послушал бы Игорька — подъезжали бы теперь к дому. Так нет же, надул губы: его величество прокурор района — и какой-то водила!.. А его величество законченный идиот, только и всего».

— Игорек, ты вот что, — обернулся я еще раз к водителю и постарался ободряюще улыбнуться, — ты понапрасну не светись на дороге. А я мигом...

За спиной прогремело железо, и раздолбанный ГАЗ-53 затормозил у противоположной обочины — так резво, что завизжали тормозные колодки. Водитель, темноволосый крепыш в лияной фуражке, открыл дверцу, встал на

подножку и спросил, перекрикивая гул двигателя, нужна ли помощь.

— Нет, все в порядке, — отозвался я и, упреждая незваного помощника, протрусил через дорогу к грузовику. — Если подвезете в город, буду весьма признателен.

— Так нужна помощь или нет? Сколько вас там? — переспросил крепыш, вытягивая шею и через мою голову взглядывая на место аварии.

У него был цыганисто-цепкий, все подмечающий взгляд, и я невольно насторожился: только такого, ушедшего и назойливого, мне теперь не хватало!

— Двое нас, сколько же еще, — сказал я, забираясь в кабину грузовика — не без труда, оберегая плечо и не выпуская из левой руки тяжелый дипломат, — и поторопил, заискивающе улыбаясь: — Едем, что ли?

Водитель нехотя забрался в кабину, хряпнул дверцей, тяжело вздохнул и заскреб заскорузлыми пальцами за ухом, явно колеблясь, обдумывая что-то и взмахивая вслед мыслям клокастыми, широко раздвинутыми бровями. Ему явно не нравилось происходящее, недоумение сменялось недоверием — как ко мне, так и к оставшемуся на дороге Игорьку, — и сомнения одолевали его: не станет ли соучастником, не увезет ли с места происшествия человека, может статься, виновного в случившемся и пытающегося скрыться от правосудия. Но сомнения были неверные, смутные, как и обстоятельства аварии, которой он не видел.

Торопясь развеять эти сомнения, я небрежно попросил отвезти меня в транспортную прокуратуру. Водитель, подозревавший иное, глянул на меня из-под бровей: куда? так ли понял? — но черты лица стали у него отмякать, а взгляд сделался любезным.

«Что, брат, не по зубам? — не без изрядной доли злорадства подумал я. — Решил меня гаишникам сдать? Ужо тебе, хитрован!»

— Это мы сейчас, это мы мигом! — заспешил водитель, лягнув педалью газа и лихо крутанул баранку. — Что же, своя машина или как? — не утерпев, сочувственно поинтересовался он.

— Или как... — отрезал я, всем своим видом давая понять, что разговор на тему аварии окончен.

Миновав городскую черту, а вместе с ней нечеткую полосу дождя, грузовик запрыгал по выщербленному, в глубоких выбоинах асфальту. Слева по ходу машины проскакали унылые кресты городского кладбища, справа — вагончик без колес, установленный на невысоком фундаменте, с самодельной вывеской у входа «Корчма», автозаправка, продмаг. Затем дорога вильнула — и с обеих сторон потянулись одноэтажные приземистые дома, заборы, сараи, курятники, гаражи.

От толчков и подпрыгиваний плечо стало ныть тупо и непрестанно, — и я, зажав ногами дипломат, обхватил предплечье левой рукой и продолжал ехать так, рискуя на очередном подскоке взлететь и треснуться макушкой о потолок или выбить о панель приборов передние зубы.

«Нечего ныть. Сам виноват, стало быть — терпи. Одно отрадно: *sentio, ergo sum* — я чувствую, значит, я существую. А ведь всего этого, в том числе боли, могло уже не быть для меня. Следовательно, да здравствует боль!» — увещевал себя я.

Но увещевания мало помогали, а назойливые мысли о смерти вгоняли в тоску. И я гнал от себя эти гребаные мысли: глядел через грязное стекло на чужой город, беспо-

коился о Ключареве — застану того в прокуратуре или нет, сможет ли помочь? — думал и о том, чем вся эта история может закончиться для меня. Разумеется, ничем хорошим. Хотя, если рассудить здраво, главное в этой ситуации, что все живы и здоровы, что бы ни случилось потом. Да, что бы ни случилось потом...

— Черт подери! — внезапно вырвалось у меня.

Я вдруг с досадой вспомнил, что Ключарев, транспортный прокурор, с которым я был дружен еще по институту, ушел в отпуск и собирается своим ходом на юг, — так что теперь он, должно быть, где-то на гаражах, готовит машину в дорогу.

Шофер искоса покосился на меня и заискивающим тоном спросил:

— Что, трясет? Дорога, чтоб ее...

Давай, рули! — неприязненно отмахнулся я, а про себя повторил: «Черт подери!» Кроме Ключарева, мне в этом городе не к кому было обратиться. А что если и вправду не застану его на месте?

Так и вышло. Дверь неказистого, сложенного из бурого кирпича здания прокуратуры была распахнута настежь, у входа торчала унылая, как засохшее дерево, фигура помощника прокурора Сергунько, и, выбираясь из кабины, я с трудом поборол неподобающе кислое выражение, проступившее на лице от предвкушения предстоящего разговора. Увидав меня, Сергунько ничуть не удивился. С философическим равнодушием опершись о перила крыльца, он дождался, пока я поднимусь по ступенькам, и, пыхая жеваным недокурком, небрежно подал мне три вялых, засушенных пальца и тотчас отдернул руку, словно общался с большим проказой.

«Здравствуй, старый хрыч!» — молча покривил губы я, не утруждаясь общением вслух.

«Привет, зануда! — смерил меня недобрый взглядом Сергунько. — Чего приперся? Ключаря все равно нет, Ключарь нынче в отпуске...»

Помолчали. При этом Сергунько делал вид, что меня нет на крыльце, — задрал голову и двигая острым кадыком, разглядывал козырек над входной дверью, одним краем отвалившийся от стены, досасывал, прихватив гнутыми пальцами у самых губ, вонючий чинарик, зачем-то совал руку в карман брюк и звенел там мелочью. Потом он возвел на меня мученические очи: «Ну что вы все от меня хотите?» — швырнул на клумбу под окном недокурок и зевнул во весь рот.

«Ну и пасть! — едва не ляпнул я. — Крокодилья. Только беззубая...»

— Ключарев на гаражах... — наконец изволил сообщить мне Сергунько, сообразив, что отделаться от меня не удастся. — Просил, чтобы не беспокоили по пустякам... Только по крайней надобности...

— Она и есть, крайняя...

— Тогда пойдем... Здесь недалеко...

Он взглянул с недоумением и досадой, нехотя скovyрнул с крыльца и вразвалку, походкой страдающего геморроидальными коликами, заковылял в сторону железнодорожных мастерских. Я потащился следом, перегнувшись влево под тяжестью дипломата, по возможности оберегая правое предплечье с выпирающей, как мне показалось, костью и про себя изгаляясь над нашим увечным ходом: «Один — раскорякой, другой — криво и вбок». Потом и того больше — стал неслышно, в такт шагам, бормотать из Апухтина:

Пара гнедых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид...

Но злызычие не помогало. На душе было тошно как никогда, и вдруг в какую-то секунду я осознал: все, закончилось мое прокурорство. Только бы не сесть, только бы не посадили! Это ведь не шутки — будучи первый день в отпуске, хватить лишку, сесть за руль и, проезжая через соседний район, в хлам раскокать служебный автомобиль. Ради чего, спрашивается? Чего ради?

Миновали громоздкое здание мастерских с огромными закопченными окнами, завернули в распахнутые ворота гаражного кооператива, потянулись между двумя рядами гаражей, обходя масляно блестящие лужи. Еще издали я увидел у одного из гаражей знакомую фигуру, колдующую под задраным капотом новенького «Москвича».

— Получите! — Сергунько указал кривым пальцем в сторону Ключарева, повернулся ко мне спиной и насмешливо обронил, уходя: — Место встречи изменить нельзя...

— Топай, топай, парнокопытное! — отвечивал я, но так, чтобы не быть услышанным, и вполне беззлобно. — Привет геморрою!

Но Сергунько, по всей видимости, почуял этот мой прощальный глас — шестым чувством или селезенкой — и оступился, заскользил по мокрой глине, пытаясь удержать равновесие, но все-таки въехал ногой в лужу. Тотчас два-три отборных словца из тех, какие пишут на заборах, долетели до меня и заставили ухмыльнуться. Что ни говори, а бывают в жизни минуты, когда площадная брань приносит глубокое душевное удовлетворение...

— Опля, какие гости! — высунувшись из-под капота, приветствовал меня Ключарев, затем распрямился, вытер грязным полотенцем руки и несильно ткнул меня кулаком в предплечье. — Чего кривишься? Что-то с рукой?

Морщась и запинаясь, я стал мямлить об аварии, не то чтобы привирая, но умышленно не договаривая кое о чем: мало ли, вдруг Ключареву придется выступать по делу свидетелем...

— Погоди-ка, — прервал он меня на третьей фразе, пытливо и вместе с тем сочувственно заглядывая в глаза. — Садись в машину, поехали. По дороге доскажешь.

Он опустил капот, забрался в машину и завел двигатель. «Москвич» зафырчал, подпрыгнул и рывками заскакал по суглинку, наскакывая на лужи и разбрызгивая по сторонам маслянистую воду.

— Ну?

— Протекторы ни к черту... обочина... мокрое шоссе... грузовик этот чертов... — сбивчиво продолжал я, стараясь не дышать перегаром в сторону Ключарева.

— Стоит только обочину зацепить, да еще лысым колесом, да в дождь — и поминай как звали, — сокрушенно поддакивал моему рассказу тот. — А я, брат, собрался к морю. Ночью отчаливаю. Думал, налажу карбюратор... Так что, считай, повезло тебе... в смысле — не застал бы меня завтра в городе. Но мы сейчас все по-быстрому проворачиваем...

«Обочина, колесо, дождь... Как любил, когда идет дождь! — между тем думал я, то и дело впадая в уныние и укоряя себя, судьбу и покладистого Игорька, который ни при каких обстоятельствах не должен был уступать мне место за рулем. — Сколько народу носится по дорогам, всякая

пьянь — и хоть бы что. Почему именно мне надо было перевернуться?»

Снова выскочили за городскую черту, миновали кладбище, от сырых крестов которого я старательно уводил смятенный взгляд.

«Где там твоя машина?» — нетерпеливо поглядывал на меня Ключарев. В глазах у него прочитывалась мимолетная тень недоверия: и чего только не привидится спяну?..

В самом деле, — мелькнула у меня безумная мысль, — может, неправда, может, только и всего, что показалось?..

Но Игорек топтался на том же месте, где я оставил его полчаса назад, у края обочины, с прибитым видом и понуро опущенными плечами. Когда мы с Ключаревым подъехали, его осунувшееся лицо на мгновение просветлело и тут же снова погасло.

— Ну и где же?.. — вытянул длинную шею Ключарев, вертя головой и вглядываясь в придорожный кустарник, но тут же изумленно присвистнул: — Ни хрена себе! Как же вы ухитрились?.. — И сочувственно покосился на нас с Игорьком, не решаясь договорить: как же вы ухитрились выжить в этой передрыге?..